

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
— ДУХ СОЗДАЮЩІЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

- 1) На распутьи.
- 2) Нечего ждать (стих).
- 3) Подпорки "Диктатуры Пролетариата.
- 4) Наша тактика
- 5) Мир окутан в дыму
- 6) Протест русских Анархистов
- 7) Ответ на возражения
- 8) Не то обидно мне.
- 9) Свободная трибуна:
 - а) "Диктатура в революции
 - ..б) Кое-что о юридической помощи
- 10) Отчеты.

НА РАСПУТЬИ.

— 0 —

Мрачно, душно и неприглядно... Страстно хочется хоть малейшего дуновения ветерка, который рассеял бы удушливые испарения гниющих трупов, который принес бы хоть частицу живительного кислорода нашим задыхающимся легким.

В полном недоумении перед жизненной задачей стоит оторвавшийся от старых устоев мир людей, который так недавно бурно стремился к неведомой лучшей жизни; как судно, сорванное с якоря бурей, побитое стоит неподвижно в наступившем мертвом штиле,—так и растрепанное, голодное человечество измученно стоит и ждет, пока свежий ветерок, свежее направление мыслей, новое решение не кинет его снова в открытый бушующий океан страстей, борьбы за лучшее будущее. Последняя мировая война вызвала необычайный подъем страстей самых противоположных характеров... мысли и идеи кристаллизовались.

Ужасы и страдания, небывалой по количеству жертв и варварским методам убийства той и другой стороны бойни, вызвали негодование и протесты всех, в ком еще были инстинкты человечности; идеи патриотизма, упавшие на благоприятную почву, принесли свои ужасные кровавые плоды.

В стране, где патриотизм в его крайне уродливой форме черной сотни, поддерживался царским правительством, где, после волны стачек и восстаний 1905-го года, реакция душила все жи-

вое и нагло смеялась в лицо всему миру; несдерживаемое негодование вылилось пред мартовской революцией в постоянные стачки и восстания рабочих, изгон помещиков и захват их земель крестьянством. Более дальновидные буржуа, Рост и силу которых сильно стесняло самодержавие, опираясь на народное всеобщее недовольство, захватили власть в свои руки, а ничтожному, жалкому, последнему отпрыску самодержцев приказали отречься от престола. Радостно вздохнули рабочие и крестьяне избавившись от вековой тирании самодержавия; но вскоре увидели что и новые правительства Милюкова, Гучкова и Керенского действуют вопреки их интересам: крестьяне хотели земли—им сказали обождать, рабочие хотели контроля в производстве—им сказали, нельзя; да и не удивительно, ибо властвующая фракция представляла комбинацию землевладельцев с капиталистами. Самым активным революционным меньшинством в ту пору оказались Большевики, которые через 7 месяцев свергли последнее буржуазное правительство Керенского. Все, что было революционного тогда, объединилось в борьбе против буржуазии, и этим объясняется успех революции.

Наступила эпоха безвластия, ибо большевистское влияние не шло дальше Петербурга, а вскоре и Москвы: Анархистам после победы, как безвластникам, не по пути было дальше с большеви-

ками, партии эс-эров и меньшевиков оказались недовольными скромной ролью своих партий в правлении; но все они еще долго держались мнения о необходимости совместной борьбы с контрреволюцией. Партия у власти в Петербурге, усиливаясь численно (нужно сказать довольно медленно, считаясь с притягательной силой власти), а главным образом, опираясь на созданные ей во время процесса борьбы с внутренней и внешней реакцией аппараты армии, полиции, судов, тюрем и т. п., вскоре начала избавляться один за одним от своих критически настроенных союзников. Разгром, расстрелы и аресты левых эс-эров и потом анархистов, Раскол в среде меньшевиков политикой соправительства—все было пущено в ход. Все это считалось многими рабочими необходимостью, ради спасения России, революции, советского правительства и т. п.

Капиталистические правительства постарались изолировать центр "революционной заразы", Россию; окружили его кардоном войск, стараясь задушить, разгромить и уничтожить его. Усилиями революционного народа кольцо кордона было вскоре прорвано и обломки его упали далеко за море; но за это время другим кольцом, только еще более прочным, стянуло Россию правительство Большевиков.

Не желая постороннего вмешательства, оно также не желало, чтобы стоны народа, стоны борцов за свободу—в процессе утонченной централизации правления и подчинения производства централизованной политической власти, могли долетать до ушей своих собратьев по Рабству в других странах.

Письма товарищей, сообщения искренних беспартийных корреспондентов, уверенно — наглые заявления вождей "коммунистической" партии о необходимости преследований анархистов, их уничтожении, — показывает, что Боль-

шевики больше не нуждаются в симпатиях/ революционер. и, что их опорой является государственная власть, что они ищут поддержку (более надежную по их мнению) иностранного капитала, посредством концессий,—и в общих чертах,—что путь русской революции не верен.

Если идеи советизма первых месяцев русской революции подымали пролетариев окружающих стран к революционным действиям против капитализма, если сердца всех угнетенных бились сильнее при простом упоминании о русской революции—то при виде уродливого уклонения русской рев. от задач Социальной Рев. в умы труженников всего мира вкралось недоумение, потом разочарование; и, наконец, холодом ужаса больно сжалось сердце перед свежим обманом жизни, ее постоянной ложью.

Нерешительно топчется на месте пролетариат Англии, не желая пойти по стопам российской рев., не зная, как обойтись без всегубящей власти; в недоумении приостановилась революция в Италии, встретив, вместо ожидаемой поддержки от "социалистов" и "коммунистов", предательство и неприязнь; рабочие Германии вяло и бессильно пробуют свергнуть правительство, так называемых, "социал-предателей"; рабочие Америки, поднявшие было голову, снова уныло и покорно тянут позолоченную — лямку продажного рабства (да еще какое соревнование проявляют в этом отношении в виду безработицы).

Пролетариат всего мира стоит на распутьи между двумя идеями общественной жизни: **Большевистским властным коммунизмом и Анархическим безвластным коммунизмом.** Куда пойти? Коммунизм Большевиков ничего не дает рабам современного строя, кроме еще больших повинностей; — Коммунизм же Анархический, не смотря на свою привлекательность и преимущества, так не

ведом, так полон неизвестности, так порывает с привычным старым и пугает своей резкой противоположностью настоящему — что нужно иметь значительное мужество, дабы вступить на его путь. Так стоит в нерешительности весь голодный мир рабов. Вот почему в России и повсюду Большевики так ополчились на Анархистов, вот почему Анархисты посажены в большевистские тюрьмы, разстреливаются или же совсем не допускаются в Россию. Столкновение идей! Кто победит? ”Ты победил, Галилеянин!“ должна в силу логики сознаться в недалеком будущем новая форма угнетения и эксплуатации—Большевизм, и уступить место свободному Анархо-Коммунистическому строю. Если же нет,—насилъники будут сметены силой! Итак, за дело товарищи! будем пропагандировать и бороться против отживающего капиталистического строя и ковать оружие против уродливого порождения изнасилованного нового—гнилым, разлагающимся старым — против Большевизма...

Пока же суть да дело, пока революционные силы пролетариев стоят недомело на распутьи, темные силы реакции все выше и выше поднимают свою голову и по всему миру несется их безумный крик: ”Ратуйте, кто в бога верует!“ Черная сотня мобилизует свои силы, черная сотня вынимает ржавый от крови нож, черная сотня творит вакханалию насилия над революционерами, черная сотня пляшет кровавый предсмертный танец.

В Испании реакция в полном ходу... рабочие вынуждены были прибегнуть к террору против хозяев и властей, по наущению и при содействии которых черная сотня производит массовые избиения рабочих,—как единственное средство самозащиты. Вот что говорит корреспондент одной из буржуазных газет,

сетуя о безнаказанности террористов: ”Не подумайте, что никто не арестован; напротив, все известные воинственные вожди рабочих и социалисты под замком. Все с передовыми идеями-арестованы“. Продажный писака, извращая действительность, силится показать потом, что черная сотня, ”Свободные союзы“ (убийц, добавим от себя), которые следуя завету: око за око,—зуб за зуб, убивают за одного убитого паразита нескольких ни в чем неповинных рабочих — основались, как противовес террору рабочих.

В Италии, так называемые фашисты, под покровом и поощрении правительства избивают и убивают видных революционных деятелей, жгут помещения рабочих союзов, громят типографии передовых революционных газет, разгоняют собрания. Как Союз истинно-русских в царской России, фашисты имеют отделы по всем городам Италии и, по их заявлению, насчитывают 2.000 000 членов; состав же их: вожди—буржуазия и правительственные агенты, а исполнители — по признанию самого буржуазного корреспондента, Модервелла, — состоят ”из множества убийц и другого рода преступников из самых худших слоев общества“. Рабочие также прибегают к экономическому и политическому террору в видах самозащиты.

В Англии, при кризисе забастовки пахтеров, правительство открыто пристушило к организации ”белой гвардии“, не доверяя регулярным войскам и полиции. В настоящее время белая гвардия готова обрушиться на рабочих Англии по первому знаку правительства.

В Соединенных Штатах, кроме правительственных комиссий Лоска, легионеров и т. п.; делается попытка организовать более сильное ядро черной сотни под именем, ”Ветераны иностранных войн“, показной целью которой является насильственное американизирование

иностранцев, запрещение и подавление разговора и печати на иностранных языках и депортация всех неприемлемых или же нежелающих американизироваться. В организацию принимаются исключительно опытные убийцы — ветераны последней войны.

Но все это бледнеет перед той работой, которую ведут по всем большим городам, выброшенные за борт революцией и разбросанные по всему свету, черносотенцы истинно-русские, с гордостью величающие себя: православными националистами и монархистами. Цель их: возвращение к самодержавию и восстановление порядков "святой, царской Руси" во всей их неприкосновенности. Ложь, подтасовка фактов и запугивание несознательных рабочих "жидовским засильем" — их орудия.

Нью Йорк является центром, где эти продажные твари печатают свои грязные вымыслы, откуда, под маской

соболезнования христианскому русскому народу, в его "испытаниях", — они распространяют кругом лживые циркуляры, воззвания и газеты, клеймя "жидов", позоря все истинно революционное и помрачая умы наших темных братьев рабочих. Антисемитизм, крики о "жидовском" засильи в России, находят себе почву в умах не только мало затронутых революционной пропагандой, — но и отравляют сознание многих товарищей претендующих на сознательность.

Товарищи революционеры! Все активно боровшиеся и борющиеся за волю и правду, наш долг, наша первая работа, — пока мы здесь, — смести с лица земли, везде и всюду на местах, гнезда этих пресмыкающихся.

Вы, все изнывающие в тоске по делу — перед вами борьба с этим пометом царизма, — черной сотней!!

НЕЧЕГО ЖДАТЬ.

(Из "Набата".)

Время унылое. Грозное горе
Камнем тяжелым на сердце легло;
Счастья житейского светлое море
Кровью народной полно...

И в той крови, как в вине утопая,
Мелких страстей и разврата полна,
Дикая, алчная хищная стая
В мире пирует одна.

Вечно народною кровию пьяны,
Сытые вечно народной слезой,
Гнусные эти народа тираны
Все попирают собой.

И в эту страшно тяжелую пору
Принуждены мы позорно молчать,
Или терпению к тупому позору
Темный народ поучать.

Грозные мстители, встаньте же что-ли!
Нет больше сил, ни терпения ждать!
Ржавые цепи народной неволи
Время пришло разорвать...

Встань, подымайся все юное племя!
Встань народ, для расправы крутой!
Хищников алчных ненужное бремя
С плеч поскорее долой!

ПОДПОРКИ “ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА.”

— 0 —

Переводя пустой звук “диктатура пролетариата” в конкретную форму, безусловно, раньше всего он является, как-бы, противовесом “диктатуре капитала”. Этого одного уже достаточно для того, чтобы близоруких рабочих вводить в заблуждение; ибо испытывав на горьком опыте, сколько удобств и наслаждений доставляет “диктатура капитала” ее последователям, с одной стороны; и сколько горя и страданий рабочим, с другой—последние, само собой разумеется всякий противовес этой несправедливости, в том числе и “диктатуру пролетариата” не могут не обожать, с подобной точки зрения было бы даже не логично со стороны рабочих отвергать то, что обещает им не только освобождение от рабства, но и возведение в степень господства. Наивность рабочих все еще позволяет им верить, что с торжеством “диктатуры пролетариата”, рабочие лишь обменяются ролями с капиталистами, и опять все пойдет по старому. В таком случае “диктатура пролетариата” действительно заслуживала бы полнейшего благоговения; но дело в том, что это есть вопиющая ложь. Это—один из гипнотических принципов разлагающе действующий на чувства рабочего. Чтобы представить истинное значение “диктатуры пролетариата”, необходимо уяснить причину, следствием которой она (диктат.) является. Причина эта—революция. Другой причины нет; революция—единственная причина следствием которой может явиться “диктатура пролетариата”, но и то только тогда, когда исход революции окажется на стороне угнетенных. И так “диктатура пролетариата” есть следствие революций, в том случае если победителями окажутся рабочие. Но какие-же цели преследуют рабочие революцией, ради чего они ее делают? Отрицать никто не станет что революция, это—не продукт произвольного каприза рабочих, а результат создавшихся условий жизни, окончательно противоречащих естественному ее развитию. Создавшиеся условия

жизни являются одним из самих могучих импульсов, толкающих рабочих на баррикады. Следовательно, стремясь под таким давлением к революции, рабочие, раньше всего, и прежде всего, желают уничтожения социального неравенства, т. е. сбросить цепи рабства, окончательного уничтожения этого позорного пятна общества, но отнюдь не для того, что-бы надеть их кому-то другому, а самим стать господами положения; в таком случае неравенство не уничтожается, что в корне противоречит основному стремлению рабочих и истинной справедливости. Рабочие, как до революции, так и после нее, остаются рабочими, с разницей только в том: что до революции они были подневольными рабочими, а после революции хотят стать свободными-рабочими. До революции они работали, но ничего не имели, так как кучка паразитов, пользуясь ложным укладом жизни, весь их труд забирала себе; после революции они будут работать, и пользоваться продуктом своего труда; ибо паразитствующая кучка, или будет уничтожена в разгаре революции, или обезсилена экспроприацией их собственности. Таким образом, стремление рабочих посредством революции к полной свободе, равенству, и братству, неизбежно выдвигает вопрос; где, как, и ради чего нужна и будет применяться “диктатура пролетариата”? Если в капиталистическом строе “диктатура капитала” доставляет благоденствие своим приверженцам; так это потому, что существует рабочий класс, из которого “диктатура капитала” тянет последние соки; но с революцией, когда классовое подразделение уничтожается, когда остается только один класс—рабочих - кого тогда может давить “диктатура пролетариата” в пользу рабочих? Неужели, кроме рабочих останется еще какой—нибудь класс? Если да! так кто будет составлять этот класс, над которым будет тяготеть домоклов меч “диктатуры пролетариата”? Не попадут ли в него каким нибудь чудом те же

рабы рабочие? Есть—ли гарантия в этом? Если есть—то чем будет оправдываться сущность "диктатуры пролетариата", зная, что ниже рабочих, по своему развитию, из породы двуногих животных класса нет, и не может быть? Припертое таким образом в безвыходное положение, величие, "диктатуры пролетариата" не только меркнет, но становится подозрительным с точки зрения рабочих. Но чтобы окончательно не могла уясниться рабочим надлежащая форма "диктатуры пролетариата", радетели ее, постарались одеть свое детище в мантию переходного "периода", что значит, что "диктатура пролетариата" существует только в "переходный период"; когда-же этот "период" кончен, тогда "диктатура пролетариата" скажет рабочим: "живите мол, и размножайтесь, а я—господу богу душу отдам"! Дивна безобидная сказочка! если бы все это не противоречило естественным правилам. Кажется, не найдется ничего в жизни, что-бы добровольно уступило свое существование. К тому же являясь повелителем положения, не может быть и речи о добровольной смерти, а как раз наоборот, т. е. в случае опасности, принимаются самые радикальные меры к ее преграждению. Все это в очень наглядной форме подтвердилось с торжеством "диктатуры пролетариата" в России. Там "диктатура пролетариата" не только не подвигается к отмиранию, (допустим даже, что она умрет не более) но напротив—усиливается под предлогом, что ее миссия еще не окончена. Не смотря на то, что этот предлог очень естествен, он далеко неправилен; миссия (допустив подобную вещь) "диктатуры пролетариата" в России давно кончена, но если она (диктат.) старается усилить свою мощь, то делает это потому, что ей время—соглашаясь даже с ее теорией—отмирать. Ибо если допустить, что миссия "диктатуры пролетариата"—задача интернациональная, т. е., что "переходный период" в России должен существовать до тех пор, пока во всем мире не будет уничтожен капиталистический строй—тогда одна из стран, в которой позже других произойдет революция, должна будет остаться без "диктатуры пролетариата", что в

принципе противоречит самой "диктатуре пролетариата". И надо полагать, что страной, оставшейся без "диктатуры пролетариата", окажется одно из могучих государств, ибо на государства с малой мощностью капитала, не будет обращено серьезное внимание.

К тому — же "переходный период в таком случае не будет во всех странах одинаков, напр. в России, как в стране, первой установившей "диктатуру пролетариата", он будет самым длинным, в других странах — более коротким, а в последней стране—совсем не будет, что опять таки не согласуется в принципе. Следовательно, срок "переходного периода", а вместе с тем и, диктатуры пролетариата, менее всего можно приписать в интернациональном смысле, это—относится главным образом лишь к той стране, в которой произошла революция, и измеряться он может только потому, как велико сопротивление капитала. "Бьет час капиталистической частной собственности! Экспроприаторов экспроприируют"! (Маркс) Правильно говоря, в этом именно месте и кончается надобность в "диктатуре пролетариата", но допустим, что она здесь только начинается; как-же долго однако она должна длиться? Задачи "диктатуры пролетариата", как уже известно состоят в том, чтобы окончательно ликвидировать капиталистическое сопротивление, когда-же это достигнуто, тогда "диктатура пролетариата" настолько нужна обществу, насколько нужна собаке пятая нога. Следовательно, вся суть "диктатуры пролетариата" сводится к ликвидации капитализма. Ликвидация—же, в полном смысле этого слова, является совершившимся фактом в момент, когда обезсиленный капитализм капитулирует пред рабочими, т. е. в момент революции. Даже допуская что рабочие желая показать свое добросовестие, сделают маленькую "передышку",—как это высказываются многие "диктатуристы", в том числе и Ленин—то тогда эта "передышка" не может занимать продолжительного времени. Нельзя-же вечно экспроприировать капитал; экспроприация должна произойти решительно и быстро, так

как после нея вмиг наступает созидательный период. “Переходным периодом” — если допустить его неизбежность — может считаться лишь тот момент когда рабочие еще не уверены в своей победе, когда же эта победа, очевидна, когда капитал разбит — “переходный период” кончается; колеблющаяся чашка весов, склоняется на сторону рабочих, и они крепко наступив ногой на горло капитала, принимаются за вольный труд. Вот почему “диктатура пролетариата” в России уже отжила свой век, и основываясь даже на ее законах, она уже должна бы отправиться на лоно Авраама! Но конечно, она это никогда не сделает; она добровольно никогда не сдаст своих позиций. Доказательством этому служит то, что чувствуя под собой далеко непрочную почву, и сознавая свое наличие ничем иным, как помехой общественному строительству, от чего рабочие рано, или поздно постараются избавиться — “диктатура пролетариата” с каждым днем, подставляет все новые и новые подпорки в лопнувшее с первого начала своего воцарения, государственное здание. На сколько эти подпорки окажутся стойкими в фатальной неизбежности, покажет будущее; но несомненно что благодаря им, прольется еще не мало лишней крови рабочих.

Одной из самых знаменитых, и в то же время из самых неуместных подпорок, является введение в стране постоянного грубого кулака — милитаризма. Что на подобный шаг большевистское правительство толкнули чисто “домашние обстоятельства”, быть сомнений не может; ибо коммунизм и милитаризм — везде и всюду взаимноисключительны, (а большевики готовы лезть на седьмое небо в доказательство, что только они, а не кто либо другой — коммунисты); но если эти две крайности пришлось сочетать, значит — на Шипке не все спокойно! Значит конец приближается! В подтверждение к этому могут служить и такие факты, как допущение в государственную машину беспартийных, привилегии мелким собственникам, и много других “отступлений” в принципиальности. Все эти отступления назад рассчитаны с единственной целью, чтобы привлечь на свою сторону, как

можно больше сил в случае борьбы с народом; но в то же время все это ясно, как божий день свидетельствует, что престиж большевиков сильно пал, что они с своими “теориями” все “дальше, и дальше отмежевываются от народа и что этот контраст, как в политическом, так и в экономическом смысле, с каждым днем все более и более принимает рельефную форму, вследствие чего борьба на этой почве — неизбежна. Поэтому — то и приходится полукавить, для того, чтобы выиграть время для укрепления своего положения, т. е. для создания строго — дрессированной армии, на которую большевики рассчитывают опереться “в минуту жизни трудную”. Повидимому большевики решили, что, шила в мешке не утаишь, а поэтому вместо того, чтобы играть в прятки, лучше заявить открыто о том, что они уже не рассчитывают на поддержку со стороны народа, а вся их надежда обращена в сторону буржуазии, но для того, чтобы народ не мог подняться, необходимо надавить на него сапожником — милитаризма. Конечно, на этот раз тоже, как и всегда, большевики стараются прикрыть свой поступок чисто коммунистическим етягом, но подобный “коммунизм” противоречит не только коммунизму, но и самым большевистским деяниям, если оглянуться на историю их недавнего прошлого. Насколько помнится, большевики, готовясь к захвату власти преподносили свою доктрину народу на чисто антимилитаристической подкладке. Когда после свержения царя, русская армия бурным потоком хлынула домой, большевики не переставали кричать: “Мир без аннексий и контрибуций”! и т. д. И эта антимилитаристическая подкладка, не малую роль сыграла на руку большевикам во время свержения правительства Керенского. Но коль скоро большевики уселись в народном седле они почувствовали, что играть с огнем — дело рискованное не имея за собой надежной военной мощи. (Конечно, здесь не ставится в виду то время, когда приходилось отбиваться от приспешников капитала). Народ, видя на каждом шагу отступление и неисполнение обещаний, очень скоро может потребовать реванш, и в

случае чего,, "диктатуру пролетариата" послать туда, куда он послал Романова и Керенского. Поэтому-то, чтобы не встретиться с подобными неприятностями (так скоро) и приходится оградить себя постоянной, и строго дисциплинированной армией, которая должна быть самым тесным способом связана с правящей партией, но ничего общего не должна иметь с остальным народом страны, как это выразился М. И. Тухачевский, главный вдохновитель милитаризма в России. Перекладывая слова Тухачевского в самую обыденную форму значит, что красноармеец, как и бывший царский солдат, должен будет верой и правдой служить лишь интересам правительства, а не интересам народа, т. е. быть слепым, и послушным орудием в руках комиссаров против своего-же голодного отца, и брата. Это значит, что красноармеец, как и всякий солдат, будет лишь знать, что в его стране существует правительство, исключительно которому он служит, и волю которого он обязан выполнять! Если-же принять во внимание, т. е., что оно имеет контр-государство суверенно, т. е., что оно имеет контроль без исключения над всем в стране, в следствие чего интересы народа на каждом шагу должны соприкасаться с интересами правительства—то не трудно представить какая роль выпадает на долю красноармейца. Разумеется, у Тухачевского, как у каждого комиссара, не проминула повториться та же истрепанная фраза, что дисциплинированная армия является необходимостью, лишь до тех пор, пока не отомрет, диктатура пролетариата. Поистине достойно подражания буржуазному толкованию, о разоружении путем вооружения! Буржуазия во всю глотку кричит о всемирном разоружении, по ее уверения и "последняя" война велась ради того-же разоружения, и в действительности все государства с ног до головы окутываются в стальную броню; тоже и "диктатура пролетариата": собирается умирать, в действительности же затевает чисто юношеские замыслы, которые вместе с ней тоже должны погибнуть, как это учат самые заповеди "диктатуры пролетариата". Стоит-ли их в таком слу-

чае создавать, лишь для того, чтобы они погибли! Кажется ни один человек не согласится что-либо создавать, чтобы сейчас-же вместе с ним погибать. Если-же человек что-нибудь создает, то он рассчитывает пользоваться им при жизни, т. е. желает жить! В таком случае "диктатура пролетариата", создавая военную мощь, не имеет ни малейшего желания "отмирать", а скорей всего думает преломать свои основные законы, т. е. при помощи военной силы продолжать свое существование. И ссылка Тухачевского на "отмирание" "диктатуры пролетариата", а вслед за ней и милитаризма, является полной нелепостью. Не для торжественности своих похорон, "диктатура пролетариата" создает постоянную армию, а для чего-то другого. Для чего-же? Быть может для всемирной революции? Предположение—кстати; и несомненно, что оно явится главным оправданием в руках инициаторов милитаризма в России. Как из рога изобилия посыплются красивые словечки, упительные фразы, потекут медовые речи, о том, что милитаризм в России вводится под давлением мировых взаимоотношений с одной стороны, и что это необходимо ради выполнения заветных задач пролетариата—с другой. Безусловно, имея в виду, какой страшной милитаристической горячкой охвачены все капиталистические страны, и зная, что между рабочими и капиталистами никогда не может быть мира, (так будет убеждать "рабочая власть"), а также, не забывая, что миссия пролетариата, а следовательно и рабочей власти—всемирное уничтожение капитализма—вполне естественно, что Россия должна располагать могучей армией. Но если принять во внимание, какой военной мощью располагает в данный момент мировой капитал, и какую может выставить Россия,—даже при самом старательном усилии, и при достижении самых благоприятных в этом деле результатов—станет очевидным, что рассчитывать исключительно на военную мощь более чем бессмысленно. Капитал в военном отношении еще на столько могуч, что красной армии без мировой солидарности рабочих, тягаться с ним

не под силу. если же рабочие капиталистических стран окажутся в состоянии решать действовать на свои правительства, тогда значение красной армии само собой отпадает. Конечно, в момент, когда пролетариат какой-либо страны страхнут с своей шеи иго капитализма, помощь красной армии восставшим рабочим в этот момент, (если этому не помешают территориальные условия)—неоценима. Но в подобном случае не только красная армия, но поголовно все население России подымется на помощь восставшим рабочим; спешно организуются боевые батальоны, комитеты снабжения, комитеты изыскания средств, и т. д. словом все придут на помощь. Так что исключительно ради этого совершенно нет надобности содержать—быть может довольно значительное время, ибо кто знает когда в какой нибудь стране произойдет революция—красную армию, содержание которой будет падать тяжелым бременем на плечи страны; особенно страны подобной России, столь нуждающейся в строительстве. Разве не было-бы благоразумнее, еслибы красноармеец вместо того, чтобы проводить время в грубой, бездарной казарме — проводил дороги, строил мосты, дома, выращивал хлеб, добывал уголь и т. п.

Но это не может быть осуществлено армиями труда, работающими из-под палки, ибо, живя в казарме, красноармеец, как и всякий солдат, мало того, что будет слабым производителем, но в довершение к этому, создаст кадр бюрократии, начиная от унтера, и кончая генералом, которые несомненно потребуют себе привилегии, создав таким образом фактическое неравенство, что уже далеко не будет соответствовать тому, ради чего была совершена революция, и тем паче не может быть побудительным примером будущим стремлениям пролетариата. Следовательно, не столько в созидании военной мощи, с ее пагубными для рабочих последствиями, сколько в приобретении последователей в других странах должно зависеть будущее России, а вместе с тем и всемирной революции, если уж считать Россию предтечей свободы. Достичь-же этого, т. е. наи-

большего числа приверженцев, (разумеется, из среды рабочих, а не из среды буржуазии, хотя последних, несомненно скоро, на стороне России будет, хоть отбавляй) можно лишь показывая на практике свое превосходство перед другими странами. Тогда рабочие капиталистических стран, видя, насколько улучшилось положение русского рабочего, благодаря революции, несомненно призадумаются над своим положением и последуют примеру русских рабочих. Это гораздо лучше ускорит приближение всемирной революции, чем, если-бы оборудованная по последнему слову военной техники красная армия предприняла поход на какое-нибудь капиталистическое государство. Хотя последнего, конечно, никогда не случится; ибо это нисколько не соответствует вероятности, так что, если кому либо все еще по своей наивности мерещится, что красная армия совершит всемирную революцию, то пусть он обратит внимание на заявление обожаемых им самых вершителей судеб нынешней России. Ленин,—этот фактический диктатор ”коммунизма“ ибо его законы, не смотря на явное противоречие коммунизму, проводятся в жизнь—уже неоднократно предлагал забыть о всемирной революции, а если кто не забудет того, само собой разумеется, заставят забыть. Чичерин еще в 1919 г. заявил, что Россия (?) отказалась от Социальной Революции. Зиновьев—”босс“ ”интернационала“, говорит, что они (большевики) никогда не станут подхлестывать событий, а сумеют спокойно, хладнокровно выжидать, пока последние, божьей милостью, не созреют! Высказывая подобное мнение, вожди большевистской партии тем самым лучше всяких доказательств подтверждают, что красная армия создается исключительно ради ”домашних нужд“, а в некоторых случаях даже в поддержку существующего капиталистического строя, т. е. для охраны собственности иностранных капиталистов-концессионеров в России. Разумеется, в подобном случае, тоже будут убеждать рабочих, что красная армия выполняет заветную миссию пролетариата—уничтожение капитализма!

Автономов.

НАША ТАКТИКА.

"Цель определяет средства" (но не оправдывает их), и, стало быть, перед тем, как говорить о том, какими путями мы думаем достичь нашей цели, нужно упомянуть, в чем она заключается, а попутно перечислить и те преграды и препоны, которые лежат на весьма шероховатом пути к ее осуществлению.

Мы недовольны, мы горячо протестуем против несправедливости, жестокости и хищничества в настоящем строе. Громадное большинство человечества злой волей насильников лишено доступа к пользованию богатствами природы и другими благами жизни; этот строй отравляет самую способность наслаждаться, извращает и позорит все наши возвышенные чувства, развращает нас с самой колыбели лживостью взаимоотношений и, в общей сумме, лишает нас самой жизни и дает нам бездну страданий. Не только одни Анархисты, но и все "в ком искра чувства тлеет", — являются его противниками; различие лишь в том: каким образом и чем думают заменить его — каждый индивид, группа, или партия?

Говоря, каким образом, я делю людей на два лагеря: Постепеновцев и Безстепеновцев. Робкие умы, так называемые, постепеновцы, говорят, что нельзя порвать со старым — хотя и заведомо дурным, — а надо идти вперед осторожно, методически отбрасывая одно зло за другим, проводя одну реформу за другой; забывая, что оставленное нетронутым зло, порождает еще больше пороков, — нежели было исключено реформой.

Мы же, безстепеновцы, говорим, что надо окончательно порвать со всем старым, надо ничего, заведомо принося-

щего вред человечеству, не оставлять в покое. "Итак наш первый тактический лозунг момента: **Революция до конца**". — делает заключение Новомирский.

Говоря, чем, я также вижу две стороны: Властников и Безвластников. Первые, критикуя настоящую власть, — капиталистическое государство — думают заменить ее своей властью, своим правительством, своим Государством. Вторые, критикуя власть, стараются подорвать самые основы ее, разрушить все виды ее, — и думают на развалинах умирающего общества создать свободное сожительство людей, — Анархо-Коммунистическое Общество.

Мы стремимся осуществить: взамен Религии — полное и свободное общение человека с природой; взамен частной собственности, на которой зиждется капиталистический строй, и государственной, на которой основывается социалистический — свободное сливающееся в общности своих желаний, нужд и потребностей коммунистическое владение, т. е. упразднение собственности; взамен правительств: монархического, демократического, или "коммунистического" — мы предлагаем полную свободу каждой личности, группы, или коммуны, полную непринудительность в их соотношениях, давая взамен принуждения — свободный договор.

Наша цель таким образом заключается в установлении в человеческих обществах на нашей планете: Свободы — полной и всесторонней; Равенства — всех и каждого; Довольства — всех; и возможности Счастья каждой отдельной личности в свободном проявлении ее индивидуальных особенностей, не сдерживаемое никакими внешними уза-

ми, — ни политическими, ни экономическими, ни религиозными.

Это — наша цель, наше желание, наше стремление! Чем ни заманчивее, чем ни обширнее цель, — тем сильнее наше желание, тем крепче и упорнее наше сопротивление, тем порывистее наше стремление!

Что же мешает осуществлению наших целей, — затаенных мечтаний масс, — идей, которые даже и враги признают прекрасными — что?

Прежде всего невежество, тупость, забитость, полнейшая неспособность определить источники зла настоящего, неспособность вообразить счастливое светлое будущее, безвольность и слабость в проявлении своих желаний и их осуществлении. Анализируя это печальное явление, находишь, что коренными причинами массовой темноты опять таки являются престарелые знакомые: Собственность, Власть и Религия. Недостаток средств (собственности) мешает и закрывает доступ к знанию громадному большинству; Правительство (власть), — убивающее всякую личную инициативу, все подавляющее и насилующее, главной ролью которого является защита права собственности и неравного ее распределения, — орудие в руках владельцев, — силой держит большую часть людей в рабстве. Церковная вера (религия), вера в высшее существо — убивающая уверенность в себя, вера в недействительность — отвлекающая нас от действительности, вера в целесообразность ”божеского“ мира — без сильно опускающая руки перед его злом, вера — антипод знания. Прудон — говорил: Собственность это — ”воровство“ и эксплуатация слабых сильными“, она — ”самоубийство общества“. О власти я приведу меткое и правдивое определение Бакунина: ”Принцип Власти в применении к людям, достигшим совершеннолетия, становится чем-то чу-

довищным, явным противником человечности, источником рабства и нравственной и умственной развращенности“. Для характеристики религии Бакунин передает слова Вольтера: ”Если бы бога не было, его следовало бы выдумать“. Вы понимаете: ”народу, ведь, нужна религия“. ”Это — предохранительный клапан“.

Мы отрицаем учреждения Собственности, Власти и Религии; мы видим в них корень зла; мы боремся против них!

Каково же наше оружие? Как и каким образом победим мы эту вездесущую тройцу?

Пропаганда словом и печатью наших идей и приобретение, таким образом, большого количества сторонников, поднятие их умственного и нравственного уровня, расчистка обширнейшего поля пропаганды, для чего необходимо защищать от покушений власти то, что уже завоевано, — следствием чего, в свою очередь, явится борьба в виде массовых и единичных выступлений, террористических актов и пропаганда делом — наше первое оружие.

Мы должны не переставая будить мысль угнетенных-тружеников-рабочих, обращаться к их чувству и показывать всю неприглядность настоящего — и варнирующую красоту будущего, вызывать протест против непосильного гнета и страстное желание приблизить будущее, сделав его настоящим. Пропаганда является подготовительным процессом к окончательной схватке между двумя мирами: отжившим и народившимся; и в ней самой есть уже элементы борьбы, элементы революции. Сея везде и всюду свободное и разумное слово, являясь ярыми противниками застоя, — мы необходимо должны принимать деятельное участие и в повседневной борьбе рабочих, мы должны быть в их среде, являться инициатора-

ми, вдохновителями и руководителями в экономической борьбе, равно, как и в политической. "Что важнее всего, так это организация пролетариата. Но эта организация должна быть делом самого пролетариата", — говорил Бакунин. На съезде Анархистов-Коммунистов в 1906 году, наши товарищи пришли к следующему заключению: "Они (рабочие) понимают также, что могучие профессиональные союзы, охватывающие международно всех рабочих данной отрасли труда, представляют, вместе с тем, кадры, из которых начнет вырабатываться будущий строй. Социал-демократы смотрят на рабочие союзы, как на подспорье политической борьбе; анархисты же смотрят на них, как на **естественные органы прямой борьбы с капиталом и для склада будущего строя — органы необходимые сами по себе для своих рабочих целей**". Советуя основывать свои анархические союзы, съезд рекомендует: "Там же, где существуют союзы **безпартийного характера**, там, анархистам следовало бы вступать в них".

Нет смысла звать анархистов в профессиональные союзы, но необходимо указывать, что враждебное течение в среде Анархо-Коммунистов к Анархо-Синдикалистам, не имеет почвы. Я приведу разумное освещение этого вопроса из доклада тов. М. Корн тому же Анархо-Коммунистическому съезду, "Об организации": "что касается средств, то они, конечно, меняются в зависимости от времени и условий: в одной стране анархисты могут ставить на первое место террористическую борьбу, в другой — работу в профессиональных союзах, в третьей — теоретическую пропаганду в партийных группах; **но все эти приемы деятельности не противоречат один другому, а только дополняют друг друга**".

Мы не должны увлекаться повседневной борьбой, а должны ясно видеть, что

она служит лишь для обострения отношений между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между угнетателями и угнетенными; в этой борьбе и вырабатывается тот бунтарский дух, о котором мы так часто "говорим". Но мы не хотим быть только бунтарями, но сознательными бунтарями, начертавшими прямо путь к определенной цели — Анархо-Коммунизму, средством достижения которой будет — **Социальная Революция**. В этом понятии заключается и вся наша тактика — **Социальная Революция!**

Участвуя в повседневной борьбе рабочих, мы сознательно сможем направлять ее к всеобщей забастовке в одном месте, целой стране, или же по всему миру, и подготовить своих товарищей к мысли о неизбежности вооруженного столкновения между бастующими и хозяйской силой (армией, полицией милицией и охранкой), т. е. вступления стачки на путь Революции. От сознания революционных стачечников, от характера идей деятельного меньшинства в их среде будет зависеть: пойдет ли генеральная забастовка стезей Социальной Революции, или же завязнет в тине свалки политических партий из-за власти.

Кропоткин так характеризует ее: "Соц. Рев. — конфискация народом общественного богатства и уничтожение всех правлений".

Таким образом, в нашей подготовительной тактике нет никаких пробелов; посмотрим же, есть ли какие недостатки в разрушительной или созидательной части нашей тактики, — ибо Социальная Революция возьмет на себя задачу разрушения современного общества и создания на его развалинах нового будущего.

Резкого перехода от одного к другому не может быть, и в самом процессе разрушения будут уже намечаться и осуществляться те формы свободных со-

юзов людей, которые займут место, как в производстве необходимостей, так и в общежитии. Рабочие союзы, в действительности ведущие всю сложную работу производства и распределения в настоящее время, продолжают и реорганизуют таковую без вмешательства какой-либо банды ”организаторов“ извне или свыше.

Разрушение, по мнению Анархистов, должно произвестись как можно полнее: ”Сколько старого хламу надо вынести! Не должно разве все быть преобразовано: дома, города, ремесленное производство и сельское, — словом все учреждения общества“, — говорит Кропоткин и продолжает: ”Немедленно должно быть все разрушено: — тюрьмы, остроги, крепости, вредные для здоровья кварталы, очумленным воздухом которых мы там долго дышали!“ Новомирский же еще яснее и полнее начертывает ход разрушения: ”Во время этого возстания мы должны, при первом удобном случае, приступить к немедленному захвату всех средств производства и всех продуктов потребления и сделать рабочий класс фактическим хозяином всего общественного богатства. Одновременно же мы должны уничтожать все остатки государственной власти и классового господства: разрушать тюрьмы и участки, освободив заключенных; уничтожать все юридические акты о частной собственности, все полевые изгороди, межи, жечь долговые свидетельства. — словом, мы должны позаботиться о том, чтобы стереть с лица земли все, что напоминает право на частную собственность. Взорвать казармы, жандармские и полицейские управления, разстрелять наиболее видных военных и полицейских начальников — должно быть важной заботой возставшего народа. В деле разрушения мы должны быть беспощадны, так как малейшая слабость с нашей стороны может

стоять потом рабочему классу целое море лишней крови.“

Как видно и разрушительная тактика разработана у анархистов весьма и весьма детально! И если идеи свободного сотрудничества будут в достаточной степени усвоены рабочими заранее, или же они будут побуждаемы к таковому более сознательным и революционным меньшинством в их среде, — за успех Социальной Революции можно поручиться.

”Кто же будет производить эту разрушительную работу, кто будет делать экспроприацию? Где у вас партия, которая руководила бы всем этим?“

Русская революция, в первой стадии своего развития, показала, что сам народ без руководства какой-либо партии приступает к экспроприации земли и фабрик, и делает ее полнее, нежели при помощи каких-либо правительственных декретов, или вмешательства ”революционного“ правительства, являющегося, обыкновенно, гораздо позднее пожирать трофеи революции. Разве какая — либо партия руководила народным возстанием? Разве слышно было о большевиках, где либо кроме Петербурга и Москвы.

В каждой деревне происходила революция, каждое сельское общество на своем собрании решало, что ему делать с землей, и каждая деревня (а не группа индивидов, заметьте себе!) экспроприировала земли помещиков и государственные, а гнезда этих проклятых рабовладельцев — притоны разврата господ и позора народа, — сжигались; сельско-хозяйственный инвентарь или забирался обществом, или же просто разбирался крестьянами же. Там, где коммунистические стремления были сильны, — там, где сельские общины не были еще разрушены Столыпинскими ”отрубам“, — там вся земля, машины, скот и хлеб поступали в ведение общества. Там, где старые сельс-

кие и волостные правления не поспевали за ходом революции, — таковые заменялись земельными и другими комитетами. Что касается станowych, земских, урядников и стражников, — то они исчезли при первом выстреле революции; учреждения же правовые: волостной и сельский суды игнорировались; их функции, за неимением опоры — полиции, должны были приостановиться. В городе то же: непосредственно работавшие в той или иной фабрике, складе, заводе и различных промыслах, — захватывали их в свои руки, изгоняя хозяев и управляющих. Железные дороги, морской и речной транспорт, шахты и т. п. не оставались рабочими на произвол судьбы, но продолжали функционировать под руководством созданных революцией комитетов, а в некоторых случаях еще, старого, оставшегося у дел, правления. Армия и полиция, оказав неуверенное слабое сопротивление, или присоединилось к народу, или же беспомощно торчала в казармах и участках; тюрьмы раскрылись по требованиям разъяренного народа запуганными тюремщиками, а суды и еще разного рода правительственные учреждения были или разгромлены, или же игнорировались, — и сами ушли со сцены.

Как мыльный пузырь лопнуло мнимое могущество государства при первом натиске народа. Это доказало, что мы правы и во второй части нашей тактики!

Множество комитетов, добровольческих и избранных, по нашему мнению, должно явиться на сцену для распределения экспропрированного: жилищ, съестного, одежды, обуви и т. п., и для реорганизации производства и распределения на новых началах справедливости и равенства. Деревня нуждается в земледельческих орудиях, одежде, обуви и утвари для продолжения своего производства — все это в городе; го-

род нуждается в пищевых продуктах и сырье — все это в деревне: справедливый обмен и Распределение нужных каждой стороне вещей был бы первой базой для третьей части нашей тактики — созидательной.

Учитывая продолжающееся сопротивление хищников старого строя, мы должны понять, что сила привилегированных заключается не в их личных достоинствах, а в их обладании тем, в чем нуждается другая часть человечества. За собственность (деньги, вещи и др.) они могут нанимать себе отброс современного общества, неверящий в обновление и улучшение, и при их помощи принудить безразличную нерешительную массу к их поддержке. Значение и сила реакции уменьшится соответственно глубине и полноте экспроприации средств производства и разрушению старых форм жизни.

Революционное меньшинство, по нашему мнению, не должно собираться в Петербурге или Москве с целью захвата власти, — а должно рассеяться по всей стране, указывая крестьянам и рабочим, как пресечь всякую возможность гидры реакции поднять хотя бы одну из ее голов. Большевики рекрутировали Красную армию — мы предлагаем вооружиться всему возставшему народу; но как армия, так и вооруженные повстанцы — одно и то же: вооруженные крестьяне и рабочие; только первая создается насильственно и держится посредством дисциплины в полном подчинении создавшим ее; и может, и употребляется, не для защиты революции и ее завоеваний, а для охраны власти ее хозяев от покушений справа и слева, хотя бы опека власти и была нежелательна "опекаемым"; — наша же организация — это свободно объединяющиеся вооруженные отряды, роль которых — подавление Реакции на местах. Ни армия, ни отряды повстанцев

и никакая другая сила, не могли бы предотвратить временного занятия врагом той или иной местности, но сломить и поразить силу любой армии реакции и очистить местность от врагов постоянно враждебным отношением населения и действием партизанских отрядов очень легко. Постоянные возмущения в какой-либо стране ослабляют веками созданную государственную машину, вплоть до ее падения, в течение нескольких лет, — ослабить же и внести дезорганизацию в армию контр-революции являлось бы вопросом дней. Партизанским отрядам лучше известны враги Революции и они наводят истинный ужас на скрытых и явных реакционеров. И в самом деле, сколько времени продолжалась германская оккупация Украины? Разве она не была сломана враждебностью и активным сопротивлением крестьян? Не нужно также забывать тот факт, что если где-либо вспыхивает революция, то искры ее воспламеняют симпатии и революционный дух угнетенных окружающих стран: они делают достаточно хлопот для своих правителей, силой заставляя их прекратить травлю революционной страны, и если не материально, то морально поддерживают революцию. Чем ни шире цели, чем ни ярче идеалы и лозунги революции, — тем более симпатий вызывает она. Перед глазами наглядный пример: как незначительно и неуверенно было иностранное вторжение в Россию, благодаря воспламеняющему характеру выставленных ею первичных лозунгов; какой энтузиазм в среде рабов вызывала каждая фаза ее углубления. Но вот явилось ”революционное“ правительство, начавшее ликвидацию революции и укрепление своих позиций в ущерб Социальной Революции и... и свет погас...

Анархисты не стремятся к захвату власти, и хотя признают руководящую

роль революционного меньшинства, но не над массами, — а внутри их, в их среде; и руководство в самом народе, на местах, ничего общего не имеет с ”руководительством“ над народом из центра. Вопрос о диктатуре разбирается особо, и потому я лишь замечу, что Анархизм в сущности своей носит отрицание какой бы то ни было диктатуры, ибо справившись в словаре, да и взяв вообще понятие диктатуры, — вы увидите, что она — ни что иное, как власть одного лица, или группы над всем обществом. Не следовало бы вводить в заблуждение говарившей и несогласных с нами, говоря, что мы за диктатуру, но... мол, свою особую, которая, дескать, не есть диктатура, но и диктатура...

Если мы признаем насилие, — то оно ничто иное, как акт сопротивления насильникам, но ни в коем случае не насилие, да еще организованное, над нейтральными, а тем паче над сочувствующими, сотоварищами или же идущими впереди нас.

Организация насилия нуждается, естественно, в органах насилия, как: армия, полиция, суды, тюрьмы и т. п. поэтому, хотя мы и не противники насилия, мы противники организации его в те формы, в которых оно выливалось до сих пор: правительство и диктатуру; — в другие же формы организованное насилие не может вылиться.

Насилие неизбежно, но оно явится, как естественное следствие того угнетения и давления, которое было практикуемо веками над рабочими-рабами; — революцию можно уподобить взрыву парового котла, давление пара которого превысило сопротивление его стенок: — стенки будут разорваны на части и разметаны во все стороны, — так и насилие в революции стихийно разгромит и уничтожит оппозицию насильников, лишь надо обратить его в надле-

жащее русло предварительной пропагандой; надо, чтобы оно не затягивалось; **надо выработать сознательное отношение к революции и ее кроваво-кошмарной реальности.**

Нам снова возразят: "Без правительства вы никогда не добьетесь никаких существенных результатов". Как видно, за все свое многолетнее существование человечество не далеко ушло от своих примитивных предков в смысле беспощадной борьбы за обладание вещами, разница только та, что наши предки дрались за вещи необходимые им, а в современном обществе происходит громадная свалка из-за вещей часто совершенно ненужных тем и другим. Правительства же и существовали только благодаря этой борьбе, становясь обычно на сторону сильных. Все, так называемые, революционные правительства быстро уходили на сторону насильников в борьбе против которых они возникали, как "чемпионы" угнетенных; или же сами учиняли еще большее насилие над избравшими, принявшими, подчинившимися им. Что сделало для нас революционное правительство в России, кроме еще большего закрепощения и обезличения личности? Общество рабочей скотины с честными (?), многообещающими пастухами, — нас Анархистов не прельщает; мы снова указываем рабочим их ошибки, так часто повторявшиеся в истории, и зовем их испробовать новые пути. Взамен диктатуры, организованного насилия, длящегося и, волей неволей, распространяющегося на всех, — мы предлагаем: совершить неизбежное насилие, как можно быстрее, суровей и уничтожение насильников, как можно полней; взамен армии, — всеобщее вооружение взрослого народа; взамен центрального правительства, — свободный союз самостоятельных коммун; взамен отдачи производства и распределения в руки

свыше назначаемых чиновников, — мы предлагаем народу самому взяться за эту работу.

Роль всеобъемлющего хозяина оказалась не по плечу коммунистическому правительству (сколько ирони в этом сочетании!), и оно должно было снять свою опеку (частично, к сожалению) с кооперативов и крестьян, под натиском недовольства тех и других. В борьбе с новыми тиранами рабочий опять обращается к старому испытанному средству в борьбе с буржуазией, которое было признано и одобрено в пору их революционности, Большевиками — правителями всея Руси, — к Всеобщей Стачке; но пока силы рабочих еще слабы и разрознены, благодаря искусной политике обмана, лжи и обещаний легко верному большому дитяти — народу.

Когда преклонение и смирение перед мнимым могуществом Собственности, Власти и Религии будет побороно, когда вред их станет явным большинству людей — наступит новая эра, свободная эра общественной жизни людей; наша же задача приблизить ее непрерывным призывом к Свободе и безкомпромиссной борьбой за нее.

Итак, мы уверены в целесообразности нашей тактики, мы уверены в конечной победе. Мы уверены, что анархический коммунизм даст каждому из членов своего общества полную возможность развиваться, предоставит каждому индивиду широчайшую свободу возможную в обществе, и устранив все препятствия на эволюционном ходе жизни, даст человечеству возможность спокойно идти к тому времени, когда оно вырвав все тайны природы, пользуясь ее силами, — осуществит мечту: и Ницшеанского сверх-человека, и библейского богочеловека; когда свободный, всезнающий, вездесущий и всемогущий, — раб станет свободным человеком.

ВИД.

МИР ОКУТАН В ДЫМУ.

— о —

Мир окутан в дыму и сгорает в огне,
 Жаждет крови злодейская страсть;
 Все ревет и мятется, как в душащем сне,
 Задохнуться готово и пасть;
 Ни души, ни желанья не встретишь вокруг...
 Будто брат-человек заблудил
 И в один безысходно страдающий звук,
 В эхо смерти тоску свою слил.
 Храм, наука и суд — произвол свой творят,
 Дух стремленья насильем поправ.
 Брата брат убивая за ”право“ стоят,
 Прав не дав никому и не взяв.
 Все одето в доспехи, и руки в крови—
 Перед богом простерлось, как раб:
 Просит мира в войне, молит с кровью любви;
 Бог же тот и бездушен и слаб.
 И за годом мрачней наступающий год...
 О, стыдись же! стыдись, человек!
 Ты, под именем правды, законов, свобод—
 Злодеянием начавший век!

Эти цепи мы сами сковали себе:
 Зло ликует, коль рабство живет;
 Гибнет лучшее все в беспощадной борьбе
 И кошмарный величится гнет.
 Пусть идет же пока, погибая к огню
 Тот, кто лучшего света не знал,
 Чтоб рабочий скорей,—к состязания дню
 Обнаглевшее зло увидал.
 И тогда всемертвящему будет конец;
 Сменит тьму солнца яркого луч,
 Ненавистен всем станет терновый венец,—
 Каждый станет велик и могуч.
 И разбив пресмыкательство,—жизни позор,
 Разрешится великий вопрос:
 Падет рабство и ложь, и не будет с тех пор
 Ни нужды, ни насилья, ни слез.

А. Н.

”Если мне делают зло, и если против меня употребляют насилие, то я имею право защищать свою свободу при помощи наказания, налагаемого мною на нападающего“. — Локк.

”За бараном признают только одно право — право доставлять своим мясом котлеты для существ, обладающих мозгом большего размера, чем у него“. — Ле-Бон.

БОЛЬШЕВИТСКАЯ РЕАКЦИЯ ПРОТИВ АНАРХИСТОВ И АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ В РОССИИ.

Следующий документ является дословным переводом открытого письма, которое адресовано нашими русскими братьями к теперешним властям России. В то же время это отчаянный призыв к солидарности иностранных товарищей, воззвание ко всем истинным социалистам и революционерам: придти на помощь русским товарищам посредством международн. протеста. Как раньше при автократическом режиме царизма так и сегодня, свирепствует новая реакция, скрывающаяся под маской "Диктатуры Пролетариата" против наших идейных товарищей, несмотря на то, что наши русские братья стояли в первых рядах, когда приходилось отстаивать революцию от ударов реакции и заговоров иностранного

милитаризма. Много сотен из них принесли свои жизни в жертву и с чистым сердцем шли на смерть во имя Свободы. В благодарность за это их травят сегодня как диких зверей, они лишены даже и тех прав, которыми наше движение пользуется в явно капиталистических государствах. Факт, что этот документ подписан такими товарищами, как Александр Беркман, Эмма Гольдман и А. Шапиро—товарищами, имена которых известны во всех странах и о которых известно, что они не судят легкомысленно и обладают высоко развитым сознанием ответственности,—говорит сам за себя. Все другие комментарии излишни.

... От редакции "Дэр Синдикалист", Берлин.

ПРОТЕСТ-ВОЗВАНИЕ РУССК. АНАРХИСТОВ

В. И. Ленину, Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов, Центральному Комитету Коммунистической Партии России, Коммунистическому Интернационалу, Всероссийскому Генеральному Совету Индустриальных Соглашений, Интернациональному Совету Красных Ремесленных Союзов.

... Копии этого документа были посланы также: Совету Народных Комиссаров и Совету Рабоче-Крестьянских Представителей.

Ниже подписанные Анархо-Синдикалистские организации, детально обсудив положение, которое создалось в последнее время, и приняв во внимание всеобщее преследование анархистов в Москве, Петрограде, Харькове и других городах России и Украины, в связи с насильственным подавлением анархических организаций, клубов, изданий и т. п.—выражают свой решительный и энергичный протест против слышанного угнетения, которое делает невозможной — не только агитационную и пропагандическую деятельность,—но и культурную

работу анархистических организаций.

Систематическая охота на анархистов, вообще, и на анархо-синдикалистов, в особенности,—в результате которой все тюрьмы и остроги Советской России наполнены нашими товарищами,—совпало как раз со временем и духом речи Ленина, которую он держал на десятом конгрессе Комм. партии. Ленин объявил тогда, что беспощадная война должна вестись против тех, которых он назвал "мелко-буржуазными анархическими элементами", которые, по его уверению, развиваются и в Комм. партии, благодаря "анархо-синдикалистским тенденциям "Рабочей Оппозиции"(*). В тот самый день, когда Ленин выступил с своим заявлением, значительное число анархистов было арестовано по всей стране без всяких причин или объяснений. Никаких обвинений не было выставлено против кого-либо из наших арестованных товарищей, хотя некоторые из них уже приговорены к тюремному заключению без всякого суда и заочно. Обстоятельства этих арес-

тов отличаются необыкновенной грубостью и зверством. Один из арестованных, тов. Максимов, после безрезультатных протестов против, ниже всякой критики, невероятных несанитарных условий, в которых принудили быть в ”Таганках“ (одиночках в сырых погребах, без постелей, без матраца и без одеяла.—Ред.), вынужден был прибегнуть 1-го апреля к единственному оставшемуся средству защиты.—к голодовке. Другой товарищ, Ярчук, которого было освободили после шестидневного заключения, снова был арестован вскоре, без предъявления каких-либо обвинений, как в первый, так и во второй раз.

Из достоверных источников, полученных нами, мы узнали, что некоторых из арестованных анархистов послали в тюрьмы Самары—далеко от их родных и друзей и, таким образом, лишили их и той небольшой товарищеской помощи, которую они получили бы, находясь вблизи от родных. Многие из заключенных товарищей, благодаря ужасным условиям, вынуждены были прибегнуть к голодовке.

Даже телесные наказания применяются к нашим захваченным товарищам. Письменное заявление анархистов Бутырской тюрьмы в Москве, подписанное 38-ью анархистами, которое было послано 16-го марта Исполнительному Комитету Чрезвычайки,—включает следующее обвинение: ”15-го марта, тов. Тихон Каширин, был зверски атакован и избит нашим агентом и сотрудником, Маго, в особом отделении Чрезвычайки, в присутствии тюремного надзирателя, Дукиса“.

Не довольствуясь массовыми арестами и зверским насилием, которое применяется к нашим товарищам, правительство ведет также систематическую борьбу и против воспитательной работы анархических организаций. Значительная часть наших клубов, а также Московская контора анархо-синдикалистского издательства ”Голос Труда“,—закрыто правительством.

Подобная же охота за людьми происходила и в Петрограде, 15-го марта. Много анархистов было арестовано без всякого повода; кон-

тора и типография группы ”Голос Труда“ были запечатаны и сотрудники арестованы. Никаких обвинений никому из арестованных не было предъявлено, и все они и по сей день находятся в тюрьме.

Совет Народных Комиссаров не имел достаточно мужества и смелости опубликовать свой ответ на протест анархо-синдикалистической группы ”Голос Труда“ и занести в протокол разгром, совершенный агентами Чрезвычайки в помещении издательства. Совет Комиссаров позволил лишь снять печать с конторы издательства ”Г. Т.“ в Москве, не известив даже организацию; а потом снова сделал тщательный обыск в отсутствии представителей группы. Требование снятия запрета с конторы и типографии ”Голоса Труда“ в Петрограде не дало никаких результатов. Притеснения издательской группы ”Голос Труда“ парализует главную работу Комитета Памяти Кропоткина по изданию его трудов. Бесконечные препятствия ставятся этому Комитету, даже в отношении помещения, телефонного сообщения и тому под.

Эта невыносимая автократическая тактика со стороны правительства против анархистов,—дошедшая до конфискации венков с могилы Кропоткина для употребления на других похоронах,—без сомнения, является результатом общего направления политики правительства, находящейся под исключительным контролем Коммунистической партии. Такое положение дел, при котором анархисты абсолютно лишены возможности вести какую-либо систематическую работу; не имея никакой гарантии в том, что наши чисто культурные и воспитательные старания—как издание книг, организация музея Кропоткина и т. д.—не будут подавлены без всякой причины,—заставляет нас возвысить свой голос протеста против мелочно-зверских притеснений анархического движения большевистским правительством.

Здесь, в России, наш голос слаб. Он придушен. Властвующая Коммунистическая партия стремится уничтожить всякую возможность или попытку анархистов наладить свою деятель-

ность и пропаганду. Анархисты, таким образом, поставлены в условия полной духовной голодовки, ибо советское правительство лишает нас возможности осуществить даже те работы и проекты, в проведении которых само недавно обещалось помочь.

Видя яснее, чем когда бы то ни было раньше, правильность нашего анархического идеала и безусловную необходимость проведения его в жизнь,—мы уверены, что революционный пролетариат всего мира—с нами!

..За анархо-синдикалистическую лигу "Голос Труда": А. Шапиро, Секретарь: А. Цветков,—
От издательства.

(Печать)

..За Российскую Конфедерацию Анархо-Синдикалистов: С. Маркус,—Член Исп. Ком. (Два других члена в тюрьме)

.. (Печать конфискована Ч. К.-ой)

..За Лигу Анархической Пропаганды:

..Алексей Боровой,—Секретарь.

(Печать)

Мы всецело присоединяемся к этому протесту:
ЭММА ГОЛЬДМАН. АЛЕКСАНДР БЕРКМАН

*) Часть Коммунистической партии, которая находит нужным передать все управление производством и распределение продуктов в руки индустриальных союзов. Согласно решению десятого съезда Коммунистической партии эта, так называемая "Рабочая Оппозиция" была раскассирована. В решении сказано, что "пропаганда принципов, которым следует Рабочая Оппозиция, не совместима с принадлежностью к Партии".

Сравните заключительную речь Ленина к докладу центрального комитета партии на последнем съезде.

От Ред.: Просим все газеты внутри и вне страны перепечатать это письмо, оригинал которого находится у нас на руках.
Исполнительный Комитет Ф. А. У. Д. (Синдик.)

—0—

От Ред. Колл.: Товарищи! Это не первый призыв, с которым обращаются к нам за помощью наши товарищи-братья анархисты из далекой

России, не в состоянии сами противиться никому разгулу правительственной реакции и насилию новых татарских баскаков—большевистских комиссаров. Всецело присоединяясь к Протесту, мы призываем пролетариат всего мира к восстанию против правительства и их хозяев-капиталистов, мы призываем наших товарищей к активной борьбе с новым засильем над нашими братьями—рабочими и крестьянами России—диктатурой Коммунистической партии. Пора положить конец зверским издевательствам разного рода паразитов над трудным людям! Время убить фетиш власти!!!

Ред. Колл. "Волны".

—0—

"Мы не знаем в мире зрелища более гнусного, более отвратительного, как возведение рабства в науку; это та последняя степень нравственного падения, перед которой бледнеют взятки, толесные наказания крепостное право".—

Герцен.

—0—

"Ненавистен и отвратителен тот, кто никогда не хочет защищаться, кто молча проглатывает ядовитую слюну и злобные взгляды, слишком терпеливый, все выносящий, всему покоряющийся,—ибо это есть рабья порода".—Ницше.

—0—

"В наши дни воруют при помощи мошенничества, злоупотребления доверием, игры, лотереи; воруют посредством ростовщичества, ренты, наемной платы, откупов; воруют под видом коммерческих и промышленных прибылей..." —

Прудон.

ЗАЯВЛЕНИЕ:

Статья П. А. Кропоткина, "Анархо-Коммунизм", за недостатком места не была продолжена. Желавшие могут найти ее в книге "Хлеб и Воля", того же автора. Некоторые статьи не были помещены по той же причине. По желанию статьи возвращаются с указанием недостатков. С тов. прив. Редан. Колл.

ОТВЕТ НА ВОЗРАЖЕНИЯ.

(Джордж Баррет).

Автор этой статьи, Джордж Баррет, помер в январе, 1917-го года, в раннем возрасте 32-х лет от роду. В течение нескольких лет он усиленно пропагандировал по всей стране, никогда не щадя себя, если нужно было что-либо делать или же говорить на собраниях. Будучи редактором "Анархиста", (Глазгов, от мая, 1912-го до января, 1913-го), он показал себя таким же убеждающим писателем, как и оратором. Его две брошюры: "Последняя война" и "Анархистическая революция" хорошо известны всем, благодаря их ясности мысли и простоте речи. Таким образом, он был вполне способен отвечать на возражения, обыкновенно выставляемые против Анархизма: и эта статья, написанная за несколько месяцев перед смертью, является достойным памятником блестящему пропагандисту и горячо любимому товарищу.

1

ЧТО ВЫ БУДЕТЕ ДЕЛАТЬ С ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРЫЙ НЕ ЗАХОЧЕТ РАБОТАТЬ?

Прежде всего заметим себе, что этот вопрос принадлежит к одной категории вместе со многими другими. Очевидно, что все общественные теории должны быть основаны на положении, что люди общежительны: т. е., что они будут жить и работать совместно естественно, потому что, поступая таким образом, они могут индивидуально больше наслаждаться жизнью. Поэтому все затруднения, которые в действительности исходят из положения, что люди—общежительны,—могут быть представлены не только Анархизму, но каждой системе общества, какую бы не предложили.

Вопросы: 11-й, 12-й, 13-й и 15-й принадлежат к группе, которая основывается на предположении. Мои оппоненты увидят, как пусты они, если я буду употреблять такого же рода доводы против их системы правительства. Предположим, говорю я, что посланные вами представители в Парламент не засядут и

не будут издавать законов, а будут только валять дурака или, может быть, поголосуют себе приличные доходцы, вместо того, чтобы смотреть за вашим благополучием. На это ответят, что они посланы туда издавать законы и что, по всей вероятности, они и будут делать. Совершенно верно; но мы еще можем спросить, "Да, но предположите, что они не будут делать?"; и какие бы доводы не приводились в пользу правительства—они могут всегда, просто предположив, превратиться в бесполезные, ибо оппоненты никоим образом не могут дать гарантию даже в том, что их правительства будут править. Такие доказательства были бы абсурдом, вполне верно; ибо хотя и может случиться, что законодатели засядут и определят себе добрые доходы, вместо занятия делами нации, — все же мы не можем пользоваться это, как логическое доказательство против правительственной системы.

Подобно этому, когда мы предлагаем нашу идею свободного сотрудничества или Анархизм, не годится возражение: "Да, но предположим ваши сотрудники не захотят кооперировать?" — такие вопросы совершенно безцельны.

Мы, Как анархисты, против правительства потому, что мы в состоянии указать, что оно ложно в самом принципе. Таким же путем и те, кто против Анархизма, не должны основываться на предположении, что человек захочет делать то-то, а не будет делать того-то;—они должны попытаться показать, что Анархизм в принципе противен благосостоянию общества.

Второй интересный пункт, который не мешает заметить, относительно этого вопроса—тот, что его, обыкновенно, спрашивают социалисты. За вопросом, очевидно, скрывается вывод, что тот, кто его спрашивает—имеет себе на уме какой-либо способ заставить людей работать,—это показывает, просто напросто, что лентаем явится забастовщик, и не же-

лающий работать: и если вы имеете способ обращения с человеком, который не "захочет" работать,—это показывает, просто напросто, что вы хотите организовать систему общества, где правительство будет настолько всемогуще, что бунтарь и забастовщик будет совершенно подавлен. Вы будете иметь правящий класс, который будет диктовать рабочему условия, при которых последний должен работать,—как раз против чего Анархисты и Социалисты (во времена автора были еще истинные социалисты, которые отрицали полезность правительства, но порода эта вывелась в последние годы и социалист на языке современного рабочего значит: предатель). должны бы бороться сегодня.

В свободном обществе человек, который не захочет работать, —если только такие найдутся,—будет находиться, по крайней мере, в одних условиях с тем, кто будет работать. Он не будет ставиться в привилегированное положение, при котором ему нет надобности работать; напротив, тот довод, который так часто употребляется проив Анархизма, может употребиться с большим успехом в его пользу. Часто приходится слышать о необходимости организации для нашего существования. Вполне правильно, борьба за жизнь заставляет нас организоваться, и нет никакого повода для дальнейшего принуждения со стороны правительства. Организоваться в общество—это значит работать в обществе, это закон жизни, который постоянно побуждает людей к работе,—в то время, как искусственные права на привилегии ставят людей в такое положение, при котором им не нужно работать. Анархизм устраняет все эти искусственные законы, и поэтому является единственной системой, которая постоянно стремится избавиться от людей, не желающих работать.

Мы процитируем здесь ответ Джона Стюарта Милля на это возражение: "Возражение, обычно делаемое против системы общественного владения и равного распределения продуктов,—что каждая личность будет непрестанно поробовать избежать участия в труде—я ду-

маю, вообще, значительно преувеличенно... ни в примитивном, ни в цивилизованном обществе не было испытываемо предполагаемое затруднение. Ни в каком обществе лень не была причиной неудачи."

Дж. С. Милль, Политическая экономия, Т. 1—, стр. 251

2-е Возражение.

.ПАРЛАМЕНТ И ЗАКОНЫ ПОЛЬЗОВАЛИСЬ. НАСТОЯЩИМ ПРАВЯЩИМ КЛАССОМ ДЛЯ. ИХ ВЫГОД; ПОЧЕМУ БЫ НАМ НЕ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ИМИ ДЛЯ НАШИХ ЦЕЛЕЙ?

Этот вопрос основан на чрезвычайно неправильном понимании вещей. Почему то понимается, что Капитализм и рабочее движение оба имеют в виду одну и ту же цель. Если бы это было так,—они могли бы употреблять одни и те же средства; но когда капиталист намеревается усовершенствовать свою систему эксплуатации и правительства,—а рабочий стремится освободиться от эксплуатации и правительства—естественно, одинаковые средства не могут употребляться для обеих целей. Это, наверное, в достаточной степени и прямо отвечает на ясно предложенный вопрос. Но все-таки, благодаря туманному предположению вопроса, что правительство, якобы, является агентом реформ, прогресса и революции,—оно задевает именно тот пункт, которым Анархисты отделяются от всех политических партий. Поэтому стоит немножко теснее рассмотреть это предложение.

Энтузиасты—политиканы думают, что, как только они захватят правительство, то посредством власти они смогут придать обществу любую желательную форму. Проведите идеальные законы, думают они, и в результате будет идеальное общество. Как просто, не правда ли? Таким образом, мы придем к Революции при условиях, обещанных чудеснейшим Влэчфордом: "без кровопролития и не потеряв ни одного рабочего дня." Но, увы. Краткий путь к золотому веку—одна только иллюзия. Первым долгом, никакая форма общества, определенная законом, не может быть идеальной.

Во вторых, закон не может определять общества; на самом деле случается как раз обратное: и этот, второй пункт является самым важным. Те, кто понимают движущие силы прегресса, видят бредущий позади закон, никогда не успевающий за прогрессом самого народа: все-где, фактически, сопротивляющийся поступательному движению, всегда готовый поднять реакцию, но в длинном процессе, всегда принуждаемый уступать и допускать все больше и больше вольности. Даже сторонники правительства признают это, и когда они хотят произвести коренные перемены, — они отбрасывают всякие претензии на законность и обращаются к революционным методам. Настоящий правящий класс, который считается живым доказательством того, что правительство может делать все, что угодно, сам совершенно искренно сознается, что оно может делать очень мало.

Кто захочет изучать их возвышение к власти, тот увидит, что для того, чтобы добиться ее, они проповедуют в теории и устанавливают в действительности принцип сопротивления закону. В самом деле, как это ни смешно, но тотчас же после революции было объявлено, что проповедь сопротивления закону является бунтом и мятежом, в такой же мере, как в настоящее время мятежным актом является пропаганда революции.

Суммируя все сказанное и допуская, что вопрос логичен, (а логики в нем нет), — можно переиначить его таким образом: ”Так как те-перешний правящий класс не мог достичь своей цели посредством парламента и законов, — как можем мы надеяться достичь наших целей посредством их?“

(Продолжение в следующем номере.)

— 0 —

НЕ ТО ОБИДНО МНЕ.

Не то обидно мне, что отнята свобода,
 Покой, здоровье и семья,
 Что в мертвой тишине, и мгле глухого свода
 Дня светлого не вижу я;—
 Нет, еслиб дали мне свершить благое дело,—
 Что мне страдание мое?
 Я делу правому отдался бы всецело,—
 Свободу б отдал, счастье — все.
 Я знаю этот мир: в нем, в этом жалком мире,
 Так исковеркан жизни строй,
 Что всяк, кто вздумает взглянуть на жизнь пошире,
 Тем самым жертвует собой.
 О, еслиб в мир внести хоть каплю правды чистой!
 За это я готов страдать.
 И, верьте, жалобы на мой удел тернистый
 Вам от меня не услышать!
 Но вот обидно что: я полон был желаний,
 Я многое свершить хотел,
 Но я был взят еще среди одних мечтаний
 И воплотить их не успел.
 И вот я здесь сижу, страдаю, трачу силы,
 Из-за чего?—из-за мечты!
 А там на воле, за стеной могилы,
 Там бой идет, там нужен ты!

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА.

О ДИКТАТУРЕ В РЕВОЛЮЦИИ.

В 17-ом № "Волны", тов. В. выступая со своим организованным насилием в революции", к чему-то с первых же строк стал брать цитаты из Новомирского, Кропоткина и Грива: как будто в их теорию тоже что-то входило похожее на диктатуру в революции.

По моему, тов. В. напрасно старался выбирать подобные цитаты, было бы лучше, просто сделать свое обоснование от себя.

Известно что все революции начинались с народных восстаний, а не по заказу какой-либо определенной партии; и потому партии народу что-либо сделать не могут, что не в его понятии и его интересах. Народ знает против кого он восстает и постороннее вмешательство, с целями вне его понятий, ему не поможет.

Народу нужно только помочь в это время, подсказать, если он чего не понимает, но устранить народ с авангарда посредством насилия, диктовать ему революцию будет безуспешно. Народ только то воспринимает добровольно, что назрело в его сознании.

И Кропоткин говорит: "Мы далеки от мысли выработать определенную программу на случай революции". Из чего видно, что он предоставлял все для самого народа. Мне кажется немного неслучайным, брать цитаты из вышеупомянутых теоретиков анархизма и делать вывод к диктатуре рев. правительства.

Безусловно, все они признают необходимость революции, но чтобы убедиться, на цитаты из Карелина, надо ответить из него-же. — "Рабочие и крестьяне только могут надеяться на себя.

Всякое соглашение с партиями, вожаки которых всегда являются выходцами из буржуазных классов общества, грозит в самое опасное и тяжелое для рабочих время изменой трудящимся". И на этой же странице продол.: "Вторая часть социальной революции это — 1) немедленное обращение в общее достояние земли, источников сырых материалов промышленного, торгового, перевозочного, судного и прокатного материалов, объявление всего этого богатства принадлежащим всем вместе и ни кому в отдельности; 2) такой общественный порядок, при котором не будет грозящего народу и его поработавшего начальства, а люди будут делать все, что надо, не дожидаясь чьего бы то ни было распоряжения". (Пол. Эк. от 154) следовательно, где-же тут потребуются революционное право., раз рабочие и крестьяне могут надеяться только на себя, и конечно, сделают все, что надо для себя, не дожидаясь постороннего распоряжения. И вот, что говорит о революционном правительстве Кропоткин:

"Революционное правительство! — восклицает он, — как странно звучат эти слова для тех, которые понимают чем должна быть Социальная Революция и что такое правительство. Эти два слова противоречат друг другу, взаимно уничтожаются (реч Бун. ст. 205) и по отношению к диктатуре он говорит: "Мы анархисты произнесли окончательный приговор над диктатурой, как одного лица, так и одной какой-нибудь партии, в сущности говоря это одно и то же. Мы знаем, что революция и правительство не совместимо; что одно должно убить

другое, какова бы ни была форма правления: диктатура, королевство или парламент. Мы знаем, что сила нашей партии заключается в следующей основной форме: только свободная инициатива народа может сделать что-либо ценное и прочное, а всякая власть стремится убить эту инициативу. Мы знаем, что всякая диктатура, как бы честны не были ее намерения, ведет к смерти революции. Мы знаем, наконец, что идея диктатуры есть ни что иное как зловерденный продукт правительственного фетишизма, который с религиозным фетишизмом всегда стремился увековечить рабство” (там же ст. 212). Тов. В., говоря о всемирной революции, выводит, что в случае ее неудачи, трусливые филистеры, ничего не сделав, будут говорить: не нужно было начинать.

Именно филистерам то и ненужно начинать, (да они никогда и не начинают); русский народ не предугадывал всемирной революции и не спрашивал у филистеров, начинать или не начинать, а взял да сам и начал в марте 17-го года. Ведь в первых восстаниях не было никакого филистерского влияния. Если филистеры и были где, так разве они шли с народом? Они только ждали случая устроить правительство! И после октябрьского переворота народ не ждал, когда из центра приплут разрешение забрать помещичью землю, а взял да и забрал,—раз в этом ощущал потребность; он делал то, что было в его силах.

Революцию можно готовить, но нельзя ее сделать без народа, и она тогда успешна, когда сам народ восстанет; но если кто-либо вздумает руководить народом, не с той целью, что хочет народ, то успеха не будет. Партия-же постольку полезна народу в революции, поскольку это в интересах всего народа.

В конце своей статьи тов. В. делает вывод о необходимости организованного

насилия, и вот какое дает пояснение: ”Организация насилия на основе добровольной спайки изнутри для проявления извне“ т. е. организация при добровольном соглашении внутри себя, должна быть для насилия вне.

Но ведь каждое правительство организуется на добровольном согласии внутри и для насилия вне! Партия взяв верх посредством насилия вне становится партийным правительством!

Допустим Новомирский говорит о диктатуре на улице, но это не будет диктатура партии, когда народ экспроприрует богатства для всех; партия-же взявшись за это дело, с точки зрения какой-либо приготовленной заранее программы, будет основываться как всякое правительство.

”Диктатура, пишет тов. В.—основанная на началах добровольного согласия и равенства среди восставших, организация насилия и принуждения над всеми и для всех противников анархии и коммунизма — совершенно исключает самую возможность ее отождествления с революционным правительством или диктатурой отдельных лиц“.

Большевистское правительство тоже основанное на началах добровольного согласия среди тех кто его признает и организация насилия против всех, кто против большевизма.

Кто может здесь указать разницу между первым и вторым?

Чтобы провести революцию по плану партии, революционное правительство большевиков не постеснялось расстрелять 360 рабочих и революционеров других партий за Мирбаха в Москве; чтобы провести революцию в своем духе, оно не стеснялось расстреливать кронштатских матросов —тех матросов, которых Троцкий называл при октябрьском перевороте, гордостью русской революции. Конечно, такую ”искреннюю“ услугу большевиков русские рабочие

оценить еще не могли.

Может быть тов. В. спросит: могут-ли анархисты обойтись в революции без насилия?

Успеха мы никогда не предугадываем. Но мы признаем революцию насилием, — иначе говоря, стихийную экспроприацию всего богатства для всех. И во время этой работы, мы всегда предвидим защитников старого правления и новых якобы революционных правительств, с которыми нам приходится сражаться. Именно в этот только момент мы и можем что-либо сделать совместно с нагодом; но лишь только какое-либо новое правительство захватит власть и революция будет подавлена. Иначе, что же теперь заставляет большевиков в России расстреливать анархистов?

Тогда может быть тов. В. спросит: а что же сам народ? Где же его самостоятельность?

Но разве при каком-либо правительстве может быть самостоятельность народа? А восстаний по заказу, народ не может делать каждый вторник и каждую пятницу; это дело большое.

"Где нет простора, там нет деятельности народа по крайней мере, искреннего стремления к деятельности". Кажется так говорил Михайловский.

И партия убив самостоятельность народа в революции, успеха сделать не может.

"Но,—скажет тов. В.,—народ буржуазен, он совершенно не понимает никаких идей; он отказывается защищать отобранную у помещиков землю и не дает в город хлеба".

Разве мало было на юге России партизанских отрядов, которые действовали гораздо успешнее красной армии? Сибирь и по сей час защищается такой обороной. А что хлеба крестьяне не дают, так тут можно сказать то, что отдать каким-то комиссарам хлеб, за какие-то новые деньги, конечно, крестья-

нин никогда не согласен; а взамен хлеба, комиссары другой гарантии кроме клочков бумаги, не имеют. Но если бы к крестьянам обратились не комиссары с диктатурой и разверсткой, а непосредственно городской народ, хотя и без гарантий, крестьяне добровольно дали бы хлеб, как долг взаимопомощи.

И может ли быть народ буржуазен, когда он не имеет малейшей возможности проявить свои личные качества, вечно находясь под бдительностью правительственных палачей! И уже тогда, конечно, тов. В. скажет: "Так что же нам, наконец, делать? Не идти же с народом, ходом черепахи, выжидая его восстаний"? Но сделав революцию организованным насилием по определенному плану надо будет ее удержать, как понимает данная партия; а чтобы ее удержать, этой партии потребуется большее насилие, и тут представляется цепь насилия,—то, до чего докатились теперь в России большевики, все время, якобы, защищающие революцию. Теперь им и концессии приходится давать под предлогом защиты революции, ибо убив самостоятельность народа, у них остался единственный этот выход, чтобы остаться дальше у власти и "защищать революцию".

Но что они теперь могут сказать о всемирной революции? Возжигая огонь 3-го Интернационала, они якшаются с Вандерлипом и посылают агентов к Ллойд-Джорджу, тому Ллойд-Джорджу, который объявил Англию на военном положении, который задушил Ирландию и посылает больше войска в Египет и Индию, чтобы предотвратить восстания тамошних рабов. Таким образом большевистское революционное правительство прибегает к последнему своему козырю, где дав гарантию мородерам в лице всевозможных правительств, достанет машины и товары; чем думает восстановить свое владычество над разбитым

народом. И вот что можно теперь получить из этих концессий:

Если в Америке вспыхнет волна забастовок, то угольники оставив работу увидят, как с Камчатки к ним будут подвозить уголь, который будут доставать рабочие Востока, а революционное правительство большевиков по уговору концессий не будут иметь права остановить там работу.

После таких сделок 3-ему Интернационалу о всемирной революции придется только мечтать.

Заграничные-же акулы хорошо учли,

что будто народное правительство большевиков, без их помощи не способно устоять, и потому водят последних за нос в то время, как разбитый народ продолжает пухнуть с голоду.

Да, тов. В., народу, убив его самодеятельность, надо будет дать гарантию, сделав революцию посредством организованного насилия; но с гарантией придется бежать за границу, предлагать концессии и мир и садиться на большевистскую скамейку, садиться в ”галушу“.

А. К.

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЕ.

На последнем съезде А. К. группы С. Шт. и Канады разбирался вопрос о юридической защите товарищей, попавшихся в лапы хищных кроважадных слуг капитала — правительственных агентов и жрецов ”правосудия“ — судей. Был поставлен вопрос ребром: должны ли мы, как революционеры не признающие капиталистических институтов, обращаться к адвокатам за помощью и покровительством перед лицом буржуазных законов, и можем ли мы требовать от своих товарищей того, чтобы они нас брали под залог? Должны ли мы этим заставлять товарищей, чтобы они, отложив революционную работу в сторону, бегали по товарищам или капиталистическим учреждениям, собирая залог и средства на адвоката?

Товарищи на съезде, обсудив этот вопрос, пришли к заключению: Не обращаться к адвокатам, не заниматься сбором средств на залогов, дабы не обогащать хищных акул — ростовщиков и законников. Группам на местах рекомендуется подобное же отношение, но, естественно, они могут поступать, как им угодно. Этот вопрос, по моему мнению, давно уже должен был быть решен в такой плоскости, ибо он не только с материально-технической точки зрения для нас, Анархо-Коммунистов, не приемлем, но с чисто принципиальной.

С материальной точки: Мы собираем трудовые кровавые сенты на залогов, адвокатов и судебные издержки; мы обращаемся — или к товарищам в своей среде, или обращаемся в капиталистическое учреждение за ”займом“ и платим за это известный процент. Допустим, что мы платим 5%. Залогов обыкновенно выдают в 1.000 дол., но есть много в пять, десять и пятнадцать тысяч дол.; сколько же мы дадим ”заработать“ ростовщикам-шкуродерам? А аресты с залогом, видно, выгодны кучке паразитов, сосущих кровь из рабочего люда. Мне приходилось работать в организациях по оказанию помощи узникам классовой борьбы и юридических комиссиях, приходилось иметь дело с залогом и сталкиваться с чиновниками разного пошиба. Каждый чиновник, начиная с маленького агента охраны и кончая ”большой шишкой“, — ”советуют“ (иногда с угрозами) взять арестованного под залог. Что это значит? А это значит: кто-то свыше поощряет их делать это. Да и адвокаты, иногда, (ведь и у них тоже безработица бывает у ”бедных“) из ничего затеют громкое дело: оправдают — они берут за удачу); обвиняют — они берут за ”труды“; если товарища с судом или без суда будут депортировать — адвокат с улыбкой заявляет: Это я сделал, пожалуйста за ”труды“.

С технической точки: Залог, адвокаты и суды толкают нас к совместной работе с разного рода филантропическими организациями и работа революционера сводится к мелкой филантропии, часто окончательно поглощающей все их время, а иногда и их самих. Допустим, что в шести районах арестовали 30 тов., по 5 тов. на район, и каждый район старается забрать под залог своих пять. Для собирания средств на залог и адвоката выделяются обыкновенно самые деятельные члены — комитет по защите. Избранный комитет устраивает балы, собирает пожертвования, печатает и рассылает подписные листы — словом по уши погружаются в эту работу, совершенно оставив революционное поприще, на котором каждый человек особенно нужен во время и после арестов, дабы не перерывалась работа и оставшиеся товарищи не пали духом.

Рассматривая принципиальную сторону вопроса, приходишь к тем же выводам: мы обращаемся к адвокату, чтобы он защищал нас в учреждении, против которого мы боремся, чтобы он требовал для нас справедливости суда, который мы отрицаем, и от которого мы не можем ожидать правосудия, зная, что он служит одному богу — Капиталу. Одно соприкосновение с этим учреждением и его представителями развращает и уничтожает, не говоря

уже о тех дрязгах и спорах, которые порождает эта деятельность в нашей среде и между арестованными.

Несколько времени тому назад в Ред. Колл. поступило письмо из одного городка (имени которого я здесь не хочу упоминать) с извещением об аресте одного товарища, за которого власти требуют 200 дол., за "труды". Товарищи этого города хотели, чтобы Ред. Колл. разослала, выпущенные ими подписные листы, по всем районам. Ред. Колл., считаясь с решением с'езда отказалась это сделать, и, по требованию товарищей, послала им адреса, дабы они сами могли сделать то, что им нужно, напомнив о решении с'езда. Вскоре получился ответ, полный негодования против поступка Ред. Колл., и угроза прислать назад посланную литературу с заявлением: "если не хотите помочь товарищу, — распространяйте ее сами". Больно и печально слышать такие ответы; неужели товарищи думают, что они распространяют для кого то литературу, а не для своего собственного освобождения. Да и не может Ред. Колл. быть посредником по рассылке подписных листов, ибо тогда надо снять с нее все другие работы. Это еще один из многих случаев вмешательства юридической защиты в революционную работу.

Один из Ред. Колл. — Н. К.

О Т Ч Е Т Ы .

ОТЧЕТ ФЕДЕРАТ. КАССИРА ОТ 1го Мая по 1-е Июня 1921 года.

Приход по выручке "В"

От А. К. гр. Вот—ри	—	—	32.75
" " Саут Б—ем за №№ 14-15	7.35		
" " Фил—я	—	—	5.55
" " Дет—т	—	—	75.00
" " Брм—д	—	—	25.00
" " Гат—д	—	—	15.75
" " Мед—н	—	—	1.65
" " Дет—т	—	—	18.85
" Через Н—к за "В." и "С О."	23.70		

" " Кли—д	—	—	37.05
" " Брич—т	—	—	13.05
" " Бал—е за "В" и "С О"	32.70		
" " Че—р за "В" № 15	15.00		

Итого — 303.40

ДОБРОВОЛЬ. ПОЖЕРТВОВАНИЯ

Из города Саут-Бен по чек. кн.	—	3.50
" Гарт-д от т. Д-це-ат	—	50
" " К. Ка—цкий	—	1.50
" " П. Кр—овский	—	2.00
" " Ф. Кречук	—	2.00

” ” К СМ-ов — — —	2.00
” ” Г. Се-в-юк — — —	5.00
” ” И. Во-л-ов — — —	5.00
” ” Ю. Ка-р-ик — — —	6.30
” ” Гр. Кротович — — —	7.30
” Ба—е А. К. гр. — — —	40.00
” Эмб—ч ” ” — — —	—25.00
Итого — — —	100.10

Расход по изданию ”В.“ № 17.

Проезд в Нью Йорк три раза —	26.00
Экспрес за доставку ”С. О“ —	3.50
Пересылка ”В” и ”С. О.“ —	4.65
Почтовые расходы — — —	5.20
Трамвайный проезд — — —	4.25
Клише провокатора Жука — — —	3.25
Два словаря — — — —	3.10
Упаковка ”В“ — — — —	1.50
Перевоз мет. — — — —	1.00
Набор ”В.“ — — — —	40.00
Наборная машина — — — —	20.00
Печатанье ”В.“ — — — —	110.00
Расход ред—ра — — — —	60.00
Итого — — —	285.45

..ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРИХОД.

От А. К. г. С-ем за ”Г. Е. Р. —	3.60
” ” Ели—т фонд. — — —	50.00
” ” Кли—д выручка — — —	26.60
” ” Пт—г фонд — — — —	25.00
” ” Кли—д выручка — — —	20.55
Итого — — —	125.75

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАСХОД.

Экспресс за доставку Эльц. пер.	8.20
Упаковка — — — —	4.30
Экспр. за дост. ”М. А. К. — —	7.79
Разсылка — — — —	9.82
Упаковка — — — —	3.65
Два чемодана — — — —	2.00
За возвр. лит. из Кли—да — —	3.40
Итого — — —	39.16

Приход по выручке ”В” — —	303.40
Добровольные пожертвования —	100.10
Литературного прихода — —	125.75
Осталось с апреля месяца. —	159.69

Общий приход — 688.94

Расход по изданию ”В“ — —	282.45
Литературный расход — —	39.16

Итого — — 321.61

Общий приход — — — 688.94
” ” Расход — — — 321.61

В кассе к 1-му Июню остается 367.33

Ревиз. Ком. И. Б. и Н. И. П.
ОТЧЕТ ПО ИЗДАНИЮ ”КЛИЧ АНАР-ХИСТОВ“.

Приход.

От бала — — — —	66.25
От вечеринки — — — —	36.00

Итого — — 102.25

Расход

За печать ”К. А.“ — — —	175.00
За кат первой страницы — —	6.00
За перевоз набора — — —	2.00
За наборные машины — — —	20.00
Упаковка и отправка — — —	11.00

Итого, расходу — 214 00

” ” Приходу — 102.25

Дефицит — 111.75

Ревизион. ком. Ф. С-П. В-ук. М. К-ня

ОТЧЕТ А. К. ГР. Д. РАИОНА ОТ 1-го АПРЕЛЯ ПО 1-го МАЯ 1921 ГОДА.

Приход:

С марта по апр. ост. в кассе —	195.00
За ж. ”В“ №№ 12, 13, 14 и 15	15.90
От гр. № 3-й — — — —	1.35
От гр. № 2-й — — — —	45
Из г. М—ки за ”В“ — — —	1.00
Из г. Р—р за ”В” — — —	3.00

Из т. Г—д. за "С. О" — —	9.15
От лит К—ий — — —	36.40
Из Сан Ф—о за литературу —..	20.00
Из Бр—т — Б—на — —	36.45
Добровольные пожерт. от Д—ца	5.00
По чек. кн. № 1301 до 1312 —	8.35
По чек. кн. № 1101 до 1106 —	5.50
Всего — —	337.60

Расход.

Пересылка "В" — — —	19.27
Пересылка литературы — —	14.82
Поездка в А—н — — —	4.38
Поездка в К—д — — —	15.00
Возвращено тов. К. взаимобраз.	25.00
Выслано в Ред Кол "В" — —	100.00

Итого — — 178.47**Приходу.. — 337.60****Расходу — — 178.47****.. Остается на 1-е мая — — 159.13****Ревиз. ком Н. Д. и Г. Б.****Примечание:**На "В" собрано добровольных пожерт-
рований: тов Б—ко по чек. кн. № след:

.... " 1101 —.. —.. —..	50
" 1102 — — — —	50
" 1103 — — — —	1.00
" 1104 — — — —	1.00
" 1105 — — — —	50
" 1106 — — — —	2.00

Итого — — 5.50

От тов Н. Ник-м по чек кн. №№ след.

" 1301 Н. И. — — —	1.00
" 1302 К. — — —	75
" 1303 Д. Б. — — —	1.00
" 1304 — — — —	25
" 1305 — — — —	1.00
" 1306 Р. А. — — —	1.00
— " 1307 А. К. — — —	1.00
" 1308 О. К. — — —	50
" 1309 А. Ф. — — —	25
" 1310 Дж. С. — — —	1.00
" 1311 Д. С. — — —	25
" 1312 Э. Н. — — —	35

Итого — — 8.35**ГОДОВОЙ ОТЧЕТ А. К. ГР. г. НУАРКА
С 1-го МАЯ 1920 г. ПО 1-е МАЯ 1921г.****Приход:**

В кассе имелось — — —	62.01
Остаток от митинга — — —	5.00
Членских взносов — — —	5.00
Доход от предприятий — —	177.78
Литература и буфет — — —	60.40
От адвоката — — —	25.00
От предприятия 11 сен. и 2 окт.	510.92
От предприятия 2-го октябр. —	76.65
От секретаря за билеты — —	8.00
От тов. В—ко — — —	1.30
За литературу выручено — —	3.00
От предприятия 13 марта —	21.87
Тже 16 апреля — — —	32.46
Итого прихода — — —	989.39

Расход:

За помещение и газ — — —	40.16
В пользу "В" — — —	50.00
На летучки 22 мая — — —	3.56
Возвращено тов С. — — —	50.00
Помощь больному тов. Ш. —	10.00
Мелкие расходы. — — —	2.50
На защиту пол. закл. — — —	200.00
В пользу "В" — — —	100.00
Союзу № 2 — — —	57.00
Делегат и мелкие расходы —	45.27
Помещение — — —	42.00
В пользу детей Пет. Кол. —	25.00
Больному тов. Ш. — — —	10.00
Тов. Х-чу взаим. — — —	25.00
В пользу "Волны" — — —	50.00
Помощь жене депортируемого тов.	40.00
Полит. заключенным — — —	76.65
Мелкие расходы — — —	15.54
Зал для собраний — — —	10.00

Расход:

Проезд тов. — — —	21.50
На издание Ум. Общ. — — —	50.00
Пересылка "В" — — —	2.83
Летучки и объявления —.. —..	17.50
В пользу больного —.. —.. —..	10.00
Итого расхода — — —	954.51

В кассе осталось — — 34.88**Рев нем. С. Т-на Л. Г-р Н. Р-ка.**